

УДК 327.8

ВОЛОВИКОВ Арсен Гургамович – аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; volovikov.arsen@yandex.ru)

ПРЕСНАЯ ВОДА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. Из всех природных ресурсов, вовлеченных в экономическую деятельность, вода по объему использования превосходит все остальные ресурсы вместе взятые. Каким бы ни был экономический уклад современного государства, база его жизнеобеспечения формируется за счет воды и водоемкой продовольственной продукции.

К 2030 г. население Земли, как ожидается, вырастет на 2 млрд чел. по сравнению с 2010 г. и потребует примерно на 50% больше продовольствия, чем в 1998 г. К 2030 г. более половины населения мира будет проживать в городских районах. Урбанизация является причиной быстрого экономического роста, что означает и спрос на воду. Таким образом, водные конфликты между всеми типами водопользователей – сельскохозяйственными, бытовыми и промышленными – будут возникать все чаще и создавать трудности как на национальном, так и международном уровне.

Ключевые слова: дефицит воды, продовольственная безопасность, международное сотрудничество, международные конфликты

Введение

В последние несколько десятилетий стало очевидным, что постоянно растущий дефицит пресной воды становится угрозой устойчивому развитию. В своем докладе Всемирный экономический форум причислил водные кризисы к числу глобальных рисков для развития мировой экономики [Gleick 2014]. Рост населения планеты, повышение уровня жизни, изменение структуры потребления и расширение орошаемого земледелия являются основными движущими силами роста мирового спроса на воду [Elmusa 2007: 302].

В конце 1980-х и начале 1990-х гг. ряд ученых и лиц, принимающих политические решения, высказывали идею, что водные войны будут ключевым компонентом глобального политического ландшафта в XXI в. Египетский дипломат Бутрос Бутрос-Гали, например, заявил в 1988 г., что следующая война «в нашем регионе будет над водами Нила» [Vögösmarty et al. 2000]. В международной научной среде можно обнаружить дискурсы о взаимосвязи нехватки пресной воды и уровнем гражданского насилия в отдельно взятых странах [Ide, Detges 2018]. Ряд авторов связывают засуху с началом гражданской войны в Сирии в 2011 г., а чуть ранее – в Египте [Kalpakian 2004].

Эмпирическая основа для таких утверждений в лучшем случае двусмысленна. Дискурс водного конфликта подвергся критике, например, за поддержку идей гидрогегемонии или секьюритизацию водного вопроса в сфере безопасности и даже в военной сфере [Oxford Handbook... 2018].

Но научных доказательств для подобных утверждений мало. Согласно результатам исследования Йоффе и др. [Yoffe, Wolf, Giordano 2003], государства в водном вопросе чаще идут на сотрудничество, чем на конфликт, в то время как применение насилия из-за дефицита воды случается чрезвычайно редко. Из 37 зарегистрированных случаев международных вооруженных конфликтов, связанных с водой, «ни один не был позднее 1970 года, и вода никогда не была главной причиной конфликта» [Katz 2011]. Исследование Массачусетского

технологического института также подтверждает, что сотрудничество перед лицом общей водной проблемы может улучшить отношения между конкурирующими государствами [Gleick 1993]. В конце концов, связанный с водой насильственный конфликт между государствами большинство исследователей считают крайне маловероятным [McCaffrey 2001].

Суть глобального дефицита водных ресурсов заключается в географическом и временном несоответствии между спросом на пресную воду и ее наличием [Starr 1991]. Ряд исследований оценивают ежегодный глобальный дефицит воды [Handbook... 2012]. Однако ежегодные оценки дефицита водных ресурсов скрывают изменения в течение года и недооценивают масштабы внутригодовых колебаний. Йошихиде Вада и др. [Wada, van Beek, Bierkens 2011] изучали глобальный дефицит водных ресурсов на ежемесячной основе. Арьен Хоэкстра также провел оценку глобального дефицита водных ресурсов на ежемесячной основе и пришел к выводу, что 4,0 млрд чел. испытывают серьезную нехватку воды по крайней мере в течение 2–3 месяцев [Ercin, Hoekstra 2014]. Это означает, что ситуация хуже, чем предполагалось в предыдущих исследованиях, которые дают оценки от 1,7 до 3,1 млрд чел., не имеющих постоянного доступа к пресной воде [Vörösmarty et al. 2000].

Относительно новым и стремительно развивающимся явлением стала аренда территорий государств развитыми странами (квазиколонизация) для выращивания сельскохозяйственной продукции.

Площадкой для реализации проектов в этой сфере стали территории африканских государств. Аренда Китаем, Индией, Южной Кореей, Японией и странами Персидского залива началась в 1960-х гг. и с тех пор выросла до 40 млн га. Изначально мотивами арендаторов было обеспечение продовольственной безопасности, но после продовольственного кризиса 2008 г. и стабильного роста на рынке продовольственной продукции заинтересованность в дешевых территориях, пригодных для сельского хозяйства, многократно возросла. Аренда земель практикуется и в Российской Федерации, но доход от таких операций для России минимален, а выгодополучателями выступают исключительно арендаторы. В последние годы активно зазвучали призывы отказаться от этой практики и начать наращивать экспорт продукции, производимой своими силами.

Роль международных организаций в регулировании водопользования

На сегодняшний день используются два глобальных правовых документа, устанавливающих общие рамки сотрудничества для стран бассейнов международных рек – Конвенция ООН по водотокам 1997 г. и Конвенция ЕЭК ООН по водам 1992 г. [Salman 2009: 219]. На них были озвучены четыре фундаментальных подхода по управлению водными ресурсами.

Принцип *Institutional*. Предполагает вовлечение пользователей водных ресурсов в согласованное принятие решений о водопользовании.

Принцип *Instrumental*. Наделяет воду свойствами товара и признает ее экономическим благом.

Принцип *Gender*. Обязывает учитывать особую роль женщин в хранении воды и управлении водными ресурсами.

Принцип *Ecological*. Отмечает уязвимость ресурса и в то же время решающую роль в сохранении и развитии окружающей среды.

Как результат, Дублинские принципы, с одной стороны, объявляют наделение воды ценностью в мировой экономике, что обострило борьбу за ее источники. С другой стороны, поскольку сферы интересов практически не претер-

пели изменений, то возможности для стран, обладающих водными ресурсами в избытке, многократно расширились.

В 2003 г. в ООН был проведен Всемирный год пресной воды. В том же году получила поддержку большинства стран инициатива Республики Таджикистан по проведению Десятилетия воды. Оно было проведено с 2005 по 2015 г. под девизом «Вода для жизни». В рамках десятилетия провозглашался ряд целей, среди которых сокращение доли населения, не имеющего доступ к пресной воде, на 50%. Эта цель была достигнута, но произошло это за счет национальных программ по обеспечению роста благосостояния населения стран Юго-Восточной Азии (существенная доля приходится на Китайскую Народную Республику).

Также по инициативе ООН был учрежден Всемирный день воды (22 марта) и Водный форум. Функцией форума является разработка новых стратегий водопользования и оценка будущих вызовов. Всемирный день воды должен привлечь внимание широкой общественности к вопросам пресной воды.

Исходя из анализа упомянутых проектов, можно сделать вывод, что на данный момент по проблемам водопользования не существует эффективного международного правового регулирования, и все сводится к заключению двухсторонних соглашений между государствами. Это происходит, потому что в данном случае государства способны четко сформулировать свои условия, не прибегая к использованию пустых деклараций. Например, Южно-Африканская Республика в 1996 г. даже приняла Конституцию, в которой было право человека на воду (ст. 27 п. b)¹. Вопросам обеспечения населения планеты водой уделяют внимание и международные организации.

При изучении многосторонних и рамочных соглашений просматривается их низкая эффективность в решении вопросов водопользования. Изменение ситуации в лучшую сторону, как показывает практика, неэффективно при использовании наднационального механизма контроля. Именно это объясняет темпы роста политической конкуренции государств за контроль над международными водоемами.

Типы локальных водных кризисов

Существует несколько типов региональных водных кризисов, характеризующих современные общемировые тенденции в водной сфере.

Кризис индустриализации. Наиболее тяжелая форма проявления кризиса связана с падением качества воды. Данный тип локального водного кризиса возник в XIX в. и был характерен для стран Европы. Однако благодаря многочисленным международным политическим успехам в разграничении водостоков рек и созданию наднациональных органов для контроля над эксплуатацией водных ресурсов данный вопрос удалось урегулировать уже в середине XX в., и традиционные отрасли сельского хозяйства (рыболовство в Рейне и т.п.) получили возможность продолжить свое существование. Позже, в конце XX в. промышленное производство ряда европейских компаний было перенесено в Азию, и данный тип кризиса стал развиваться там.

Неблагоприятные климатические условия. Данный вид кризиса создает постоянную среду обитания для целых народов. Это такие регионы, как Центральная Азия, страны Персидского залива и Тропическая Африка. В настоящее время периоды засухи стали продолжительнее, опустынивание ускорилось. В силу

¹ Конституция Южно-Африканской Республики от 1996 г. Доступ: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (проверено 27.10.2023).

того, что роль африканских стран в мировой хозяйственной системе мизерна, основная роль в локальном водном кризисе отведена гуманитарному аспекту. Страны Персидского залива импортируют адаптационные технологии, и благодаря высоким доходам от продаж энергоресурсов население дефицита воды не испытывает. В центральноазиатских государствах основной проблемой в вопросе обеспечения водой остается неспособность эффективно распределять имеющиеся ресурсы.

Индустриально-урбанистический кризис. Данный кризис имеет сложную структуру; он вобрал в себя демографический бум, высокий уровень урбанизации, активный экономический рост последних двух десятилетий, рост потребления и сильное воздействие стихийных бедствий. Как результат, страны пытаются адаптироваться к этим условиям и использовать доступные рычаги для решения своих проблем в данной сфере за счет своих соседей.

Среднестатистический ежегодный рост населения составляет 80 млн чел., вследствие чего ежегодный рост спроса на пресную воду растет на 64 млрд куб. м. С учетом того, что самые высокие показатели рождаемости ожидаются в регионах, испытывающих уже сейчас дефицит воды, ситуация может сильно обостриться.

В конце нулевых годов впервые в мире число городских жителей превысило число сельских жителей. Городское население в силу больших логистических затруднений требует большего количества воды для собственных нужд; для удовлетворения собственных потребностей требует создания жилищно-коммунальной инфраструктуры с доставкой воды из отдаленных водохранилищ.

Как отмечают Организация экономического сотрудничества и развития и Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам, урбанизация является общепланетарной тенденцией, и если в 2014 г. городских жителей насчитывалось 3,9 млрд чел., или 54% мирового населения, то к 2050 г. ожидается, что в городах будут жить 65% населения, что повысит спрос на воду на 55% по сравнению с 2012 г.¹

Заключение

В современном мире ни одна национальная экономика не жизнеспособна без энергоресурсов. Однако есть один безальтернативный ресурс, заместить который нет возможности ни в одной сфере – это вода. Если нефть является фактором внешнеполитического влияния, то вода в такой роли априори не выступает. Вода начинает играть такую роль, если имеющиеся водные ресурсы не обеспечивают потребностей национального хозяйства, а также если отсутствует политический и экономический ресурс для замещения образовавшегося дефицита. В ряде регионов планеты в настоящее время сочетание данных условий обнаруживается все чаще.

Водный вызов, образовавшийся в последние годы, был следствием объединения региональных рынков сбыта в глобальный рынок. Резкий рост потребления пресной воды в XXI в. связан с ростом качества жизни населения развитых и развивающихся стран.

Рост доходов стимулирует рост качества ежедневного рациона, который не могла себе позволить большая часть населения ранее. Начинается рост спроса

¹ United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2012. Back to our Common Future: Sustainable Development in the 21st Century. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=3205869> (accessed 25.10.2023).

на мясо, молоко, алкоголь, на производство которых расходуется большое количество воды. Вследствие этого в научной литературе даже возникло понятие «белковая революция»¹, означающее резкое изменение в рационе большого количества населения Азии.

Уже сегодня можно говорить о нарастающей глобальной проблеме дефицита воды – ее недостаточно не только для устойчивого развития сельского хозяйства, энергетики и промышленности, но и для удовлетворения бытовых нужд стремительно растущего населения. Проблему дефицита воды сегодня многие эксперты расценивают как одну из основных угроз глобальной системе безопасности. Очевидно, что отсутствие понимания истинной значимости водных проблем приведет к возрастанию международной напряженности. Существующая тенденция к увеличению спроса на воду определяет необходимость международного сотрудничества в данных вопросах не только сегодня, но и в обозримом будущем.

Список литературы

Elmusa S.S. 2007. Toward a Unified Management Regime in the Jordan Basin: The Johnston Plan Revisited. – *Yale F&ES Bulletin*. Vol. 103. P. 297-313.

Ercin A.E., Hoekstra A.Y. 2014. Water Footprint Scenarios for 2050: A Global Analysis. – *Environment International*. Vol. 64. P. 71-82.

Gleick P. 1993. Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security. – *International Security*. Vol. 18. Is. 1. P. 79-112.

Gleick P.H. 2014. Water, Drought, Climate Change, and Conflict in Syria. – *Weather, Climate, and Society*. Vol. 6. Is. 3. P. 331-340.

Handbook of Land and Water Grabs in Africa: Foreign Direct Investment and Food and Water Security (ed. by J.A. Allan). 2012. London: Routledge. 446 p.

Ide T., Detges A. 2018. International Water Cooperation and Environmental Peacemaking. – *Global Environmental Politics*. Vol. 18. Is. 4. P. 63-84.

Kalpakian J. 2004. *Identity, Conflict and Cooperation in International River Systems*. Ashgate Publishing Ltd. 213 p.

Katz D. 2011. Hydro-political Hyperbole: Examining Incentives for Overemphasizing the Risks of Water Wars. – *Global Environmental Politics*. Vol. 11. Is. 1. P. 12-35.

McCaffrey S. 2001. *The Law of International Watercourses: Non-Navigational Uses*. Oxford University Press. 514 p.

Oxford Handbook of Water Politics and Policy (ed. by K. Conca, E. Weinthal). 2018. Oxford University Press. 712 p.

Salman S. 2009. Linkages of the Policy to Other World Bank Policies. – *The World Bank Policy for Projects on International Waterways: an Historical and Legal Analysis*. Law, Justice and Development Series. Vol. 4. P. 203-224. URL: <https://brill.com/view/title/17182> (accessed 05.02.2024).

Starr J. 1991. Water Wars. – *Foreign Policy*. Vol. 82. Is. 1. P. 17-36.

Salman S. 2009. Linkages of the Policy to Other World Bank Policies. – *The World Bank Policy for Projects on International Waterways: an Historical and Legal Analysis*. Law, Justice and Development Series. Vol. 4. P. 203-224. URL: <https://brill.com/view/title/17182> (accessed 05.02.2024).

Vörösmarty C.J., Green P., Salisbury J., Lammers R.B. 2000. Global Water

¹ Calorie supply per capita from animal products. FAOSTAT on-line statistical service. FAO. Rome. 2004. URL: <http://apps.fao.org> (accessed 07.11.2023).

Resources: Vulnerability from Climate Change and Population Growth. — *Science*. Vol. 289. P. 284-288.

Wada Y., van Beek L.P.H., Bierkens M.F.P. 2011. Modelling Global Water Stress of the Recent Past: on the Relative Importance of Trends in Water Demand and Climate Variability. — *Hydrology and Earth System Sciences*. Vol. 15. Is. 12. P. 3785-3805.

Yoffe S.B., Wolf A.T., Giordano M. 2003. Conflict and Cooperation over International Freshwater Resources: Indicators of Basins at Risk. — *Journal of the American Water Resources Association*. Vol. 39. Is. 5. P. 1109-1126.

VOLOVIKOV Arsen Guramovich, postgraduate student of the Chair of National and Federal Relations, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 1, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; volovikov.arsen@yandex.ru)

FRESH WATER AS A STRATEGIC RESOURCE IN INTERNATIONAL POLITICS

Abstract. *Of all the natural resources involved in economic activity, water surpasses all other resources combined in terms of use. Whatever the economic structure of a modern state is, the base of its life support is formed by water and water-intensive food products.*

By 2030, the world's population is expected to grow by 2 billion people compared to 2010 and will require about 50 percent more food than in 1998. By 2030, more than half of the world's population will live in urban areas. Urbanization is the cause of rapid economic growth, which means the demand for water. Thus, water conflicts between all types of water users – agricultural, domestic and industrial – will arise more often and create difficulties both at the national and international levels.

Keywords: *water scarcity, food security, international cooperation, international conflicts*
